

после 1873-го, двадцать лет спустя. «Не говорите же мне, что я не знаю народа! Я его знаю: от него я принял вновь в мою душу Христа, которого узнал в родительском доме еще ребенком и которого утратил было, когда преобразился в свою очередь в “европейского либерала”» (26; 152). Это признание сделано еще позже, в 1880-м. Достоевский, прожив после 1854 года еще двадцать шесть лет, никогда не дезавуировал тот свой, единственный на всю жизнь, символ веры.

Значит, если верить словам Достоевского 1873 года и словам Достоевского 1880 года, символ веры 1854 года — это результат того, что он уже **понял Христа, понял и принял Его в свою душу**, а не свидетельство того, что он **Его еще не понял**. Понял, что Христос — **лучший, идеал, и это-то и есть истина**. Та самая истина, которая **яснеет в несчастье**.

Ведь в своем символе веры Достоевский оппонирует некоей мысли, некоему чувству; следы этого спора видны в конструкции фразы.

Он не говорит: верить, «что Христос самый прекрасный, глубокий, симпатичный, разумный, мужественный и совершенный».

Он говорит: верить, «что **нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа**», говорит в опровержении некоего невысказанного здесь мнения, будто есть нечто лучше веры в Христа. Отрицая подобную мысль, он убеждает себя: «И не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и **не может быть**».

И его загадочная формула, вторая часть символа веры, «если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» — если оставаться в логике письма Достоевского и не вносить в нее иную, внеположенную логику — может означать следующее: если бы кто-то доказал ему, что **есть или может быть что-то еще более прекрасное, более глубокое, более симпатичное, более разумнее, более мужественное, более совершенное, то есть некий другой идеал, некая иная истина, иная вера**, то он, Достоевский, этот **иной идеал, эту иную истину, эту иную веру не принял бы, а остался бы со Христом, которого понял и полюбил на каторге**.

Фигура недоверия слову Достоевского может означать в данном случае одно: не Бог (тогда кто?) посылает автору письма минуты покоя, ясности и святости; эти минуты — вовсе не минуты покоя, так как в них нет ни ясности, ни святости; Достоевский обманывает читателя и обманывается сам, утверждая, что **понял и полюбил Христа еще тогда, на каторге**. Можно, конечно, и вообще заявить, что Достоевский так никогда и не понял Христа, так и не приблизился к пониманию истинного православия.

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ТРУДНОСТЬ для современного образованного человека заключается в учении, что Иисус, родившийся в Палестине 20 веков назад и распятый на кресте, был не просто человек, а воплотившийся Бог. Возможно, что